

Порядок чтения книг Вселенной Упорядоченного. Буква «о» в скобках означает отступление от основного сюжета: события идут либо параллельно с основным сюжетом, либо до основного сюжета.

- Гибель богов
- Воин великой тьмы (о)
- Земля без радости (о)
- Тысяча лет Хрофта (о)
- Алмазный Меч, Деревянный Меч
- Рождение мага
- Эльфийская стража (о)
- Дочь некроманта (о)
- Странствия мага
- Вернуть посох (о)
- Одиночество мага
- Война мага
- Война ангелов (о)
- Память пламени
- Удерживая небо
- Пепел Асгарда
- Асгард возрожденный
- Хедин, враг мой
- Прошедшая вечность
- Орел и Дракон
- Восстание безумных богов. Северная Ведьма (о)
- Душа Бога. Том 1
- Душа Бога. Том 2
(именно эта книга и завершает основную историю Упорядоченного)
- Когда мир изменился

ОТ АВТОРА

Давным-давно, когда все еще только начиналось, «Странствия мага» были запланированы как переход от обучения («Рождение мага») к финальной битве. Все казалось легко и просто. «Бродилка», квесты основной линии, квесты боковые, решение задачи, нелегкий выбор — и выход на решающий поединок.

Одинокий некромант в окружении враждебных сил, крошечная песчинка в чужом мире, который «весь против него». Книга задумывалась относительно несложной, ведь главное должно было ждать нас впереди.

Однако почти сразу же этому простому сценарию воспротивился сам мир. Те многочисленные враги, что противостояли некроманту Фессу, — откуда они, каковы их мотивы, какова их история? Это же не компьютерная игра, где совершенно неважно, откуда берутся убиваемые героем монстры. И за Ведьмой из Кривого Ручья, и за отцом Этлау, и за всем остальным должна была стоять своя правда, своя история, данная хотя бы пунктиром.

Появились и упрямо раздвинули отведенное им изначально пространство такие персонажи, как молодой Эбенезер Джайлз; а герои из старых книг, такие как Клара Хюммель и ее отряд, обиженно заявили, что не позволят задвигать себя на задворки истории.

Сюжетные линии сходились и расходились, и все четче вырисовывались контуры совсем другой истории — истории, охватывающей не один

лишь Эвиал, но и Мельин, и Долину Магов, и интриги мессира Архимага Игнациуса, и начало пути Сильвии, последней из Красного Арка...

История завязывалась, и никак не получалось вот так сразу выйти и отправиться на войну. Вокруг некроманта собирались самые разные персонажи, несхожие, со своими характерами, и оборвать нити их историй было совершенно невозможно.

В странствии своем некромант Фесс обретал самое важное — друзей. А Император Мельина, оказавшись оторван от своей Империи, искал ту единственную, что только и могла быть с ним, потому что даже Империя не стоит без живого, чувствующего сердца.

И все это надо было изложить. И оно было изложено... но стало ясно, что между «Странствиями» и «Войной» по-прежнему очень много незаполненного пространства, слишком много загадок и оставшихся недосказанностей. Поэтому за «Странствиями мага» последовало его же «Одиночество», но это уже совсем иная история...

СИНОПСИС, ИЛИ ЧТО БЫЛО РАНЬШЕ

В первой Летописи Разлома, именуемой «Алмазный Меч, Деревянный Меч», была изложена история несостоявшегося Пришествия Спасителя в один из миров великой Сферы Упорядоченного. В давние годы, когда в том мире властвовали и вели между собой смертельную борьбу расы гномов и молодых эльфов, иначе называемых также Дану, мастерами-волшебниками этих двух народов были созданы два магических меча: гномами — Алмазный, или Драгнир, а Дану, властителями лесов, — Деревянный, или Иммельсторн. Вся сила и ярость народов оказались вложены в эти Мечи; и, сойдись они в бою, этой яростью вполне мог быть уничтожен весь мир. Волею всемогущей судьбы два этих Меча пробудились одновременно. Иммельсторн попал в руки рабыни Дану по имени Сеамни Оэтаканн, Драгниром не без хитрости, коварства и предательства завладел гном Сидри Дромаронг. Затем Деревянный Меч захватили маги людской расы, гном же Сидри благополучно добрался до убежища своего племени. Во вспыхнувшей войне, где все сражались против всех: людская Империя — против Радуги, семи магических орденов, Дану и гномы — против людей и друг с другом, вдобавок началось вторжение странных существ, именовавших себя Созидателями Пути; миру Мельина это грозило уничтожением. В кровавом хаосе войны начали сбываться зловещие

Пророчества Разрушения, Алмазный и Деревянный Мечи уверенно шли навстречу друг другу, неся с собой смерть.

Среди сподвижников Императора людей был некто Фесс, молодой воин и волшебник, рожденный вдалеке от плоти того мира, где ему пришлось сражаться. Он происходил из загадочной Долины магов, таинственного места в Междумирье, где испокон веку жили одни из сильнейших чародеёв Упорядоченного. Фессу давно прискучила размеренная жизнь Долины, и он покинул родной мир, сделавшись воином и прознатчиком Императора в мире Мельина.

Фесс был тем, кто в воцарившейся сумятице смог понять, что же нужно делать. В завязавшемся сражении, когда легионы Мельинской Империи сошлись с воинством гномов, несших с собой Драгнир, и последним отрядом Дану, направляемых и ободряемых Иммельсторном, Фессу удалось оказаться рядом со столкнувшимися наконец в последнем бою Алмазным и Деревянным Мечами...

После чудовищного катаклизма Фесс, пытавшийся вернуться домой, в Долину магов, оказался вброшен в Эвиал, один из миров Упорядоченного, мир закрытый, со своими особенными законами магии. Запад этого мира занимала непроницаемая Тьма, и обитатели Эвиала верили, что эта Тьма вот-вот вторгнется в населенные людьми пределы и тогда наступит неминуемый конец времен. В Эвиале сильна была вера в Спасителя, власть Церкви, и Инквизиция железом и кровью выкорчевывала ереси.

Память Фесса была искажена, и значительную часть воспоминаний, равно как и боевых навыков, он утратил. Он забыл свое прошлое, ничего не помнил о Долине магов и об Алмазном и Деревянном Мечах. Случайная встреча со старым магом Парри, открывшим в странном пришельце чародейские способности, привела Фесса в город Ордос, во всемирно известную Академию Высокого Волшебства.

Судьба сделала Фесса аколитом факультета малефицистики. Он стал некромантом, Темным магом, изгоем, которого Церковь, Инквизиция и Белый Совет терпели только из-за участившихся случаев нападений Нежити, справиться с которой некромант мог лучше всех.

Досрочно выпущенный из Академии, Фесс был направлен в северный приморский город Арвест, где он встретился с гномом Сугутором и орком Праддом, ставшими его верными спутниками.

Упокаявая кладбище, на котором пробуждались к жизни свирепые и кроважные чудовища, Фесс впервые в открытую столкнулся с Инквизицией, прибегавшей для достижения тех же целей к человеческим жертвам.

Это столкновение переросло в настоящую войну, в один из моментов которой Прадд и Сугутор оказались в руках арвестских инквизиторов. Чтобы спасти их, Фесс вернулся в город — и как раз в это время на Арвест обрушилось вторжение Империи Клешной, молодой и хищной островной державы на дальнем западе Эвиала, почти у самых границ той самой Тьмы.

В результате схватки город был разрушен до основания. Фессу и его спутникам удалось бежать. Отныне для Инквизиции, Церкви и сообщества Белых магов Эвиала они стали непримиримыми врагами...

ТОМ ПЕРВЫЙ

ЗАЧИН ЖЕЛЕЗНЫЙ ХРЕБЕТ. ИЗГНАННИКИ

Не топчи дорогу сапогами без смысла —
заведет на край света, не воротись...

Заповедь путешественников

— Правда, мэтр, красивые у нас в горах рассветы? — Коренастый гном бестрепетно стоял на самом краю глубокой пропасти и, не щурясь, смотрел на поднимающееся солнце.

— Побывал бы ты, бр-рат гном, у нас на Волчьих островах, не хвастался б попусту, — проворчал в ответ здоровенный клыкастый орк — он, в отличие от своего товарища, всем огромным телом прижимался к отвесной скале: тропинка, что вела над обрывом, здесь почти что сходила на нет, оставляя лишь узкий, в две ладони шириной, уступ.

— Чего я там у вас не видел? — фыркнул гном, заложив руки в карманы, и, бравирюя храбростью, покачался с носка на пятку. — Зимой вьюги с буранами, летом туманы с малярами! И комары, а я их терпеть не могу. Небось в наших шахтах их не встретишь.

— Зато у вас крыс каменных полно, зазеваешься — мигом отъедят тебе... — Орк явно собирался сообщить гному, какой же именно, по его

мнению, части тела лишат каменные крысы его сотоварища, но тут в разговор вступил третий путник — человек в поношенном темном плаще, с мечом у пояса и длинным посохом мага в руке. Черное древко заканчивалось округлым каменным янтарно-желтым навершием. Человек выглядел еще совсем молодо, но его короткие волосы уже успели полностью побелеть.

— Хватит вам, — устало сказал человек, тот самый, кого гном назвал мэтром. — Горы позади оставили — радоваться надо, а вы все препираетесь.

— Э-э, мэтр! — беззаботно махнул рукой гном. — Горы пройти — то ж полдела, даже четверть дела! Невелико искусство — старыми шурфами проползти, сторожевые посты позади оставив! Вот теперь, мэтр, дельце предстоит посложнее — с Темными эльфами Нарна шутки плохи, что и говорить. Меня они, конечно, знают, хаживали мы, как говорится, и в этих краях, но...

— Будет тебе болтать, Сугутор! — Орк оскалил клыки. — Нечего сказать — легкая дороженька твоими шурфами оказалась, ох, разрази меня на этом месте, очень даже легкая! — Орк выразительно поднял секиру. Лезвие покрывали свежие зазубрины и какие-то темные пятна, словно окалина. — Славно нас там встретили, долго помнить буду. Кабы не мэтр... Да и то сказать — куда нам деваться? На месте Арвеста яма дымная, на плечах — погоня... и Святая Инквизиция, гори она на собственных кострах, и вроде как даже маги Академии... Одна надежда, что в Нарн они не полезут.

— Полезут, не полезут — что гадать-то? — заметил волшебник. — Обратного пути нет. С теми... гм... ну, которые в шахтах... я б второй раз дело иметь не хотел. Значит, пойдём вперед.

— Вперед-то вперед, оно, конечно, да, — вздохнул орк. — Да вот только...

Он умолк, глядя вниз. Чародей тоже сделал шаг к пропасти. Все трое — человек, гном и орк — замерли, молча глядя на открывшуюся их глазам картину.

За их спинами вздымались остроконечные, кое-где покрытые вечными снегами вершины Железного Хребта, в недрах которого трудолюбивые гномы проложили целые лабиринты ходов и шахт в поисках золота, самоцветов и вообще всего ценного, что только может залегать под землей. Непрístupные скалы резко обрывались вниз тысячелоктевой пропастью, и там, подернутые покрывалом утреннего тумана, темнели вершины бесчисленных деревьев — великий лес простирался далеко на юг и восток.

Нарн почти не знал лиственных пород: молчаливыми рядами, словно готовое к бою войско, стояли ели, сосны, лиственницы, кедровые и пихты. Все это причудливо перемешивалось, чего никогда не увидишь в лесу обычном. Кедровая роща на холме плавно переходила в болотистый ельник низины.

— А высоченные-то какие... — оглядывая деревья, нарушил молчание орк.

Человек и гном согласно кивнули. Деревья Нарна и впрямь вырастали куда выше их обычных собратьев в других местах, хотя непонятно почему — земля тут не отличалась плодородием, бесчисленные речушки, водопадами срываясь со склонов Железного Хребта, оборачивались там, внизу, застойными прудами и мелкими болотами, на которых, по идее, ничего не могло расти, кроме клюквы и мха. А тут — исполинские кедровые!

Туман поднимался высоко, аж к самым вершинам, землю невозможно было разглядеть, но деревья начинались почти что от подножия древних скал, упрямо пробиваясь сквозь завалы каменных осыпей. Ветки упирались в склоны, вонзались в них, точно копья в тело врага, словно лес вознамерился медленной, непрерывной работой где-нибудь за ближайшую сотню тысяч лет обратить в ничто весь величественный кряж Железного Хребта.

— Ну хорошо, Сугутор, — наконец проговорил орк. — Мы пришли, и мы на обрыве. Дальше уступ кончается. Что делать будем?

Гном Сугутор пожал плечами:

— Как мэтр Неясыть скажет. Скажет — вниз полезем, скажет — назад повернем, другое место поищем. Я тут путей немало знаю.

Орк и гном повернулись к волшебнику, ожидая его слова.

Неясыть-Фесс долго смотрел вниз. Он чувствовал себя донельзя уставшим и опустошенным. Беспорядочные схватки во тьме старых шурфов, когда он не видел врагов, а лишь чувствовал дремучую, древнюю злобу, — эти схватки выжали его до последней капли. Проклятая плоть подводила. Он не имел права на слабость. Сейчас, когда погоня вроде бы отстала, заплутавшись в лабиринтах горных троп и ущелий, он обязан был принять решение... но что-то удерживало его от простых слов «давайте все вниз».

Перед ним лежал Нарн, тот самый Нарн, столь ненавистный святым отцам Аркина и их громящему кулаку — Инквизиции, тот самый Нарн, что не признавал никаких Спасителей, а о всех сакральных книгах Церкви отзывался как о собрании сказок, достойных лишь потешать детей. И небо не разверзлось над богохульниками, земля не поглощала их — Нарн жил,

успешно отбивая все попытки лихих владельцев Эгеста, всех его дюков, баронов, графов и виконтов привести его к покорности. Более того, он сам наступал на людские области, отвоевывая их не столько мечами и стрелами, сколько щедрыми посулами (и частенько даже исполняемыми). Дело дошло до того, что Святой Престол в Аркине издал энциклику, призывая добрых чад Великой Матери-Церкви вступить в союз с язычниками-эльфами Вечного леса, теми, что именовали себя светлыми, вечными и непримиримыми противниками жителей Нарна.

Академия Высокого Волшебства, напротив, с Темными эльфами Нарна не враждовала. Более того, выходцы из его мрачных чащоб нет-нет, да и оказывались среди аколитов Академии. Случалось даже, что и деканы с ассессорами отправлялись из Ордоса на север, пересекая Бурную, пограничную реку, испокон веков отделявшую владения Империи Эбин от Нарна. Правда, Фесс не знал, к чему привели эти визиты. Нарнийские эльфы в Ордосе держались особняком, ни с кем не сближаясь, и никогда не искали встреч с ним, Фессом, а ему за нехваткой времени было просто не до них. Кто же мог подумать, что тропа некроманта приведет его сюда, на угрюмую границу, где лес и горы сошлись в бесконечной и бессмысленной войне, неведь для чего оспаривая друг у друга право смотреть в вечное синее небо?

Правда, во всех землях Эвиала каждый знал, что Нарн принимал изгоев. Те, кому становилось тесно под Святой Инквизицией или надоедало платить подати баронам Эгеста, частенько уходили в его чащобы. Назад никто не возвращался, но никто не видел этих людей и мертвыми. Эльфы не выставляли на всеобщее обозрение их голов вместе с пробившими их меткими стрелами — как они обычно поступали с теми, кто являлся в их лес со злом.

«Так чего же ты медлишь, маг Неясыть? Ты не отступал перед неукомплектованными, перед костяными драконами и прочей нечистью, ты выдержал безумную схватку на горящих улицах Арвеста с нахлынувшей ордой из Империи Клешиной — чего же ты ждешь теперь? Какого знака, какого знамения? Или, может, вести от Даэнура, учителя и наставника в многотрудном деле некромантии?.. Но Даэнур далеко, за сотни лиг, там, на Юге, в Ордосе, и нечего даже пытаться почувствовать его — кто знает, быть может, милорд ректор, господин Анэто, сумеет перехватить даже это, идущее по путям Астрала послание?»

Ты медлишь, Неясыть. Может быть, ты вновь, в который уже раз, вспоминаешь страшную судьбу Арвеста? Наследство Салладорца явило себя во

всей красе, лучшего и не придумаешь. Атлика, самая что ни на есть обыкновенная девица легкого поведения, не волшебница, не магичка, никогда никому не учившаяся, — уничтожила большой каменный город вместе со всеми, кто не успел оттуда выбраться, с той же легкостью, с какой человек давит таракана».

Ему, Фессу, и в страшном сне не привиделись бы такие пределы сил; да, Тьма могущественна, но и цена, запрашиваемая Ею за силу, поистине неподъемна. Теперь, запоздало, он думал, что не все было так страшно и ужасно с Арвестом: да, Империя Клешней привела со своими легионами много искусных чародеев, а в городе хоть и были Белые волшебники, но они не владели боевыми заклинаниями, и потому десанту имперцев-островитян удалось взять город. Но павший город можно отбить обратно. Можно поднять многочисленные полки семиградского ополчения, можно запросить помощи у Империи Эбин (не может быть, чтобы ее правители остались равнодушны к такому успеху своего давнего врага!), вызвать подмогу из Ордоса, напомнить о старом союзе лихим морским воякам Волчьих островов... да, это означало войну, но войну обычную, привычную, от которой можно убежать и спрятаться, если ты слаб или стар. И Арвест наверняка можно было б вернуть.

«Но тысячи жизней все равно были б потеряны, — услышал он беззвучный голос в собственном сознании. — Погибли бы воины, которых послали бы штурмовать стены Арвеста. Погибли бы люди в окрестных селах, когда туда пришли бы солдаты Клешней. И никто не знает, где жертв оказалось бы больше. Не торопись судить, некромант...»

«Не торопись судить... да, верно. Об этом говорил и Дазнур. Не суди. Не вставай ни на чью сторону. Ты — сам по себе, некромант, у тебя нет друзей и нет союзников (ну, за малым исключением, вроде Сугутора и Прадда), у тебя есть только враги — уже выступившие в открытую или же пока еще только собирающиеся».

Фесс покачал головой. Враги... да, враги были всегда. Да, его боялись и ненавидели. Но почему он должен бояться и ненавидеть в ответ? Потому что это так «по-человечески»?

«Нет, — сказал он себе. — Атлика, ты совершила ужасное. И самое главное, это необратимый поступок. Враги могут захватить город, но их можно оттуда и выбить. А теперь Арвеста уже не вернешь. То, что случилось, — зло, зло в чистом виде. Я не могу доказать это логически (кто знает, быть может, война за освобождение Арвеста и впрямь унесла бы еще больше жизней, чем один роковой удар Тьмы), но я знаю, знаю неколебимо

твердо — нельзя побеждать врага такой ценой. Потому что это даже хуже, чем поражение».

На душе было мутно и тяжело. Пока длилось бегство, пока они пробирались подземными ходами и галереями гномов, спасались от поселившихся в катакомбах страшилищ, с которыми даже Фесс решил не связываться, — эти мысли как-то отступили на второй план. А сейчас вот, когда опасности, казалось бы, позади и осталось всего-навсего спуститься в Нарн, куда за ними не посмеет сунуться никакая погоня, все это вновь вернулось.

«Тьма, я же не верил, что ты есть Зло. И ты — не оно, ведь так? Зло — в каждом из нас, оно в сердцах, душах и поступках, оно — не ужасного вида скелет на громадном троне, каким его рисуют порой на гравюрах. Оно незримо и неосяземо. Его нельзя победить раз и навсегда, ему надо противостоять каждый день, порой... порой, да, творя меньшее зло, чтобы предотвратить большее...»

Так кто же он, Салладорец, — гений, открывший новую дорогу всем жаждущим познания, или тот, кого будут потом проклинать все оставшиеся в живых, когда его знание попадет в дурные руки? Если Атлика оказалась способной стереть с лица земли Арвест, где поручительство, что кто-то из другого ковена, озлобленный на весь человеческий род, не пустит в ход это знание, скажем, перед императорским дворцом Эбина?..

От этих мыслей по коже продирало морозом.

И что же стало с погибшими в Арвесте? Отправились ли они прямо в Серые Пределы — или же Атлика, сама уходя во Тьму, прихватила их с собой?

«Ох! Как же я не сообразил этого раньше? — с раскаянием подумал Фесс. — Как мог пропустить такую возможность — уходя во Тьму, неофит просто разрушает все вокруг себя?»

Может быть, может быть...

Но не зря он не хотел читать трактат Салладорца. Не зря страшился поднять обложку роковой книги. А вот точно было зря — попытки Инквизиции оставить в Эвиале хотя бы один том как приманку для недовольных, обиженных, тех, кто «думает поперек». Нельзя было этого делать. Если его предположения верны и Наследство Салладорца в руках любого аколита способно стереть с лица земли большой город, то...

«А что тогда? У тебя ведь нет доказательств. Помни, некромант, тебе необратимые поступки запрещены сугубо и трезубо. Ты, стоящий на самой грани Серых Пределов, не имеешь права выпустить в мир — случайно или

по небрежению — те ужасы, для описания которых люди не придумали еще слов и названий, что таятся там.

Ладно. Запомни это крепко-накрепко, Фесс. Атлика сгнула, растворилась во Тьме вместе с жутким трактатом — считай, что она умерла, ее больше нет, как нет и обратной дороги из вековечного мрака. Ты свободен от этого груза. Свободен, по крайней мере, на какое-то время, некромант...»

...Фесс смотрел вниз. Ничего особенного там он, конечно, не видел — ну, деревья, ну, туман — что же тут такого? И магии никакой он не чувствовал тоже — Нарн не спешил являть себя чужаку во всей красе.

И все-таки маг не мог отвести взгляда. Туман медленно плыл, черные копыта елей, казалось, рвали на части призрачное покрывало — и Фессу все сильнее казалось, что лес сейчас смотрит на него мириадами глаз, не принадлежащих в отдельности никакому живому существу: ни надежному плотию, ни лишенному ее. Это не лесные духи смотрели из-под корней и из дупел, это не бродящие по лесу странные создания поднимали головы, потревоженные пристальным взором чародея — их он бы узнал, и с ними он сумел бы управиться. Казалось, на Фесса смотрит сейчас весь огромный лес: от южных дубрав вдоль Бурной до карабкающихся по каменным уступам кривых сосен на южных скатах Железного Хребта, смотрит каждым листом и каждой иголкой на ветвях, каждой чешуйкой коры и каждым торчащим из земли корнем, каждым живым существом в своих пределах — причем существо это даже не догадывается, что кто-то иной, неизмеримо более могучий, использует его сейчас просто как еще одну пару глаз.

Фесс еще никогда не сталкивался ни с чем подобным. И не помнил, чтобы о такой особенности Нарна упоминалось хоть в одной из прочитанных им магических книг. Даэнур о таком точно ничего не говорил. И милорд ректор Анэто тоже.

Орк и гном терпеливо ждали.

Фесс уже совсем было собрался с духом, чтобы сказать — мол, нечего больше ждать, еды всего ничего, спускаемся! — как вдруг туман возле самых скал внезапно расступился, на миг обнажив темную землю, покрытую серыми пятнами толстого мха, подступившего к самым камням и упорно пытающегося вскарабкаться вверх по скальному склону. Призрачные волны мглы заколебались, отхлынули в стороны — и на крошечный пяточок между деревьями и откосом выбралось удивительное существо, подобного которому Фессу еще никогда не приходилось видеть.

Больше всего это создание напоминало здоровенный ходячий шалаш, сплетенный из толстых веток и сучьев. Получилось нечто вроде паука — вздутый купол спины, упирающиеся в землю лапы-корни, густые брови из мха и громадные круглые глаза из светящихся гнилушек. Ростом это создание раза в два превосходило даже высокого Прадда.

При виде этого лесного страха орк глухо зарычал, невольно хватаясь за секиру, — хотя, ясное дело, взобраться по отвесной скале создание не могло. Гном удивленно поднял брови и оттопырил губу — мол, никогда такого не видывал.

Фесс невольно крепче сжал в руке посох. Черное древко отозвалось — ладонь стало слегка покалывать, наверху слабо осветилось. Явившееся им существо было в чем-то сродни тем, кого Фесс повергал при помощи этого посоха, — всем этим костяным драконам и прочей Нечисти — такое же изначально мертвое, оно получило жизнь только благодаря Силе этого места. Или его создали эльфы-чародеи Нарна? Кто знает...

Деревянный паук тем временем вплотную подошел к скале, потрогал ее лапой-веткой, недовольно зашуршал, заскрипел сразу всем своим плетеным телом, засучил конечностями, взрывая землю, а потом внезапно поднял гротескную физиономию, вперив взгляд зеленых буркал в троицу замерших на обрыве путников.

— Ишь, зырит-то как, — проворчал Прадд, на всякий случай поднимая секиру повыше.

— Ничего особенного, — явно храбрясь, заявил Сугутор. — Мало ль в Нарне чудес! Будь оно опасным, я бы знал, ведь я-то...

— Помолчи, гноме! — рявкнул орк. — Помолчи! Мэтр скажет, что делать.

Паук тем временем явно собирался обосноваться тут надолго. Основательно врыл в землю все свои бесчисленные корни, как-то опустился, осел, зеленые глаза прикрылись, точно веками, завесами из зеленого папоротника, беззаботно росшего прямо тут же, на толстых бревнах каркаса. Сразу несколько десятков веток потянулись к поверхности скалы, коснулись камня, замерли...

Человек, гном и орк долгое время молча ждали — ничего не происходило. Казалось, диковинному существу не было до них никакого дела.

— Нет, мэтр, как угодно, а я спускаться здесь не буду, — вдруг решительно заявил Сугутор. — Не нравится мне эта крошка, очень не нравится! Лучше еще с десяток миль отмахать, чем задницей по скале скрести прямо у нее на виду.

— Так, выходит, она все-таки опасна? — ухмыльнулся Прадд. — Опасна или нет? Можешь сказать?

Сугутор ответил только кривой ухмылкой.

Орк и гном вновь взглянули на Фесса.

Некромант молчал. Как ни странно, он даже не смотрел вниз — его взгляд рассеянно скользил вдоль самого горизонта, там, где покрывавшая Нарн туманная пелена сливалась с серыми облаками. Солнце поднималось все выше и выше над мгlistой дымкой, но лучи дневного светила, казалось, были бессильны пробиться сквозь этот призрачный щит, неизвестными силами воздвигнутый над таинственным лесом. Угрюмая чаща словно бы не нуждалась в живительном тепле, она жила сама по себе, и ей ничего не было нужно от этого мира, даже того, без чего не может обойтись ни одно живое существо, — солнечного света.

Плетенник, как Фесс про себя назвал застывшее у подножия скал загадочное создание, по-прежнему занимался своим делом: медленно, но неуклонно вгрызался бесчисленными своими корнями в неподатливый камень. Настанет день, когда его работа окончится — подточенная долгим трудом, неприступная на первый взгляд скала рухнет вниз водопадом мелких, бессильных и безвредных камней. И тогда, возможно, сюда придут другие порождения леса, которые превратят безжизненный камнепад в землю, готовую принять в свое лоно юные саженцы. И, глядишь, когда уйдут в слепой прах внуки внуков тех, кто сейчас лежит в колыбелях, — на месте этой скалы поднимется молодой ельник. Лес наступает, он умеет защитить себя от разящей стали людских топоров и, похоже, всерьез вознамерился проложить себе дорогу по ту сторону Железного Хребта, прорваться в Семиградье; отчего-то Фесс словно наяву представил себе молчаливую и беспощадную лесную армаду, наступающую на обжитые людьми земли, выбрасывающую перед собой авангарды прикрытых магическим туманом разведчиков, и как лес-победитель методично покрывает покинутые селения и города и в конце концов остается один — раскинувшийся на сотни лиг, от западного моря до восточной степи, единый, великий, безмолвный лес...

Но Прадд прав. Спускаться здесь действительно не стоит.

— Сугутор, уходим отсюда. Желательно, не залезая под землю.

— Есть, мэтр. И то верно — я зверюшек такой величины и так-то не сильно люблю, а уж коли они из веток и палок, так и совсем нравиться перестают...

Орк ничего не сказал, только подхватил заплечный мешок.

* * *

Они благополучно спустились со скал в нескольких милях к северо-востоку. Окутывавший деревья туман оказался неожиданно теплым, внизу, возле древесных корней, его не было совсем, шагалось по лишенному подлеска старому еловому бору легко. Трое путников двинулись напрямиком на восток — никаких троп в дикой чаще не имелось, и даже всеведущий Сугутор, не раз, по его уверениям, бывавший здесь, не мог сказать, куда им идти дальше.

Лес сомкнулся над их головами, сдвинул ворота стволов за спинами — Сугутор как-то неуверенно обернулся, держа наготове топор, и Фесс на мгновение подумал, что если *этот* лес решит ударить, то едва ли поможет и вся его, Фесса, некромантия.

Правда, сам молодой волшебник не чувствовал ничего необычного. Лес, пусть даже мрачноватый, не таил в себе ничего *заметного*. Никакого чародейства, доступного ощущениям выпускника факультета малефицистики. Туман над головами, конечно же, не был обычным туманом — но вот понять, в чем же тут дело, Фесс не мог. Как известно, самое сильное чародейство — то, эффект которого ты видишь, но не можешь даже предположить, как это сделано.

Мало-помалу местность понижалась, потянулись длинные полосы плотного серо-зеленого мха, перемежавшегося стоячими черными лужами.

— Болота близко, — уронил озадаченно осматривавшийся гном.

— А ты думал — я решу, будто вокруг пустыня саладорская? Сам все вижу, гноме, — рыкнул орк. — Скажи лучше, куда мы идем? У меня брюхо сводит от голода, а вокруг даже жалкой пичужки не видно!

— Ты и в корову с пяти шагов-то промажешь, тебе ль об охоте толковать, — пробурчал уязвленный гном.

Фесс молча поднял руку, и язвительный ответ орка так и остался невысказанным.

Там, за болотом, на невысоком пригорке в окружении совершенно невозможных для этого места кедров, среди камней стоял невысокий покосившийся обелиск. Отчего-то он представился Фессу языком белого пламени, бесшумно рвущимся из земли. Неясить знал: на юге, в Кинте Ближнем, земля источает из себя черную маслянистую жидкость, на основе которой алхимики султанов варят свой знаменитый жидкий огонь, горят там и негаемые факелы — трещинами из неведомых подземелий поднимается горячий газ; но это пламя, белое пламя Нарна, магическому взору Фесса пред-

ставлялось смертоносно-ледяным, холодным, точно вечные льды на самой северной макушке мира, где зимой по полгода не появляется солнце.

Сколько Неясыть простоял так, на самом краю болота, с плотно зажмуренными глазами, он не знал. Гном и орк терпеливо ждали, не шевелясь, замерев, точно изваяния, — похоже, они оба прошли хорошую школу еще до того, как поступили к Фессу на службу.

— Все в порядке, мэтр? — осмелился нарушить молчание Сугутор, когда Неясыть наконец пришел в себя.

Фесс коротко кивнул. Поднял посох, очерчивая янтарным навершием защитный круг около себя и спутников. Приближаться к загадочному обелиску, источнику Силы, без соответствующей подготовки было бы просто глупо.

Сугутор и Прадд молча и не дожидаясь приказаний отошли Фессу за спину.

Фесс ощутил знакомое покалывание ледяных иголок вдоль позвоночника — охранное заклятье начинало действовать, но как-то странно, словно с трудом находя свой путь в тумане. Незримые концы обруча едва-едва сошлись друг с другом, и силы для поддержания защиты требовалось куда больше, чем обычно.

Некромант, выстраивая заклинание, идет от сложного — к простому, от живого — к мертвому; все вокруг — земля, вода, воздух — содержит в себе мельчайшие частицы праха, того, что некогда было живым; очень трудно заставить это повиноваться, это вам не свежий *неупокоенный*, но Фесс к такому и не стремился — наверное, сотворить подобное было по силам одному Салладорцу. Можно поступить проще: увидеть *ответ* чужой Силы на этих частицах. Опытный некромант сможет немало сказать, проведя за расшифровкой не один год.

Посланная вперед Сила некроманта столкнулась с источаемой белым обелиском мощью; Фесс внутренне сжался, ожидая резкой и болезненной отдачи, но нет — соприкосновение вышло неожиданно мягким и плавным, словно встали на место две тщательно подогнанные друг к другу детали. Некромант не сумел уловить и малейшего отражения чужой Силы на рассеянном повсюду прахе, его словно подхватил плавный водоворот, перед мысленным взором молодого волшебника закружились видения: высокие стройные деревья с переброшенными между кронами мостками и изящные фигуры в зелено-коричневых одеяниях; однако это длилось лишь короткое мгновение. Словно унесенные ветром, образы исчезли, и их место заняли другие.